

Пока снаружи вовсю бушевали слухи, сам виновник переполоха, Цзян Жо, вел себя так, будто происходящее его совершенно не касалось.

Сплетни наполовину состояли из правды, наполовину из вымысла. Дело было не слишком красивое, так что выступать с официальным опровержением никто бы не стал. К тому же реального вреда этот шум не приносил. Пусть злопыхатели шепчутся за спиной и сколько угодно сверлят его презрительными взглядами — выгнать из съемочной группы актера, который трудится не покладая рук и никогда не косячит, они все равно не могли.

Когда съемочный день подошел к концу, Тан Цзянянь таинственным шепотом зазвала его в свою гримерку. Цзян Жо решил, что она припасла какое-то лакомство и хочет им поделиться.

— О господи, — запричитала Тан Цзянянь, заламывая руки, — на улице тебя уже с потрохами сожрали, а тебе бы только брюхо набить!

Цзян Жо плюхнулся на диван и, притянув со столика пакетик с орехами, невозмутимо надорвал упаковку:

— А что делать? Не голодать же теперь. Чужой роток, сама знаешь, не зашьешь.

Тан Цзянянь принялась мерить шагами комнату, в сердцах топнула ногой и выдохнула:

— Это все из-за меня...

Ее глаза мгновенно повлажнели, и она вот-вот готова была разрыдаться.

Цзян Жо в панике отложил орехи в сторону. Он принялся суетливо усаживать девушку на диван, попутно протягивая ей бумажные салфетки:

— Эй-эй, только без слез! Носогубные складки полезут, гусиные лапки вокруг глаз... погоди, ты что, забыла, что завтра у тебя по плану несколько тяжелых сцен со слезами? Если сейчас весь лимит выплачешь, как играть-то будешь?

Тан Цзянянь зависла на полпути между рыданиями и смехом, растерянно моргая. Она выхватила у него салфетку и принялась аккуратно промакивать уголки глаз:

— Ну и манеры! Кто так людей утешает?

Заметив, что гроза миновала, Цзян Жо облегченно улыбнулся:

— Главное — работает.

Немного успокоившись, Тан Цзянянь наконец выложила начистоту, почему в последнее время повадилась бегать на площадку группы «Б».

Оказалось, у нее вовсю крутился тайный роман с исполнителем роли третьего плана — парнем по имени Су И.

Сама Тан Цзянянь сейчас была на пике популярности, а ее избранник, бывший айдол, только-только протапывал дорожку в кинематографе. Оба находились на взлете карьеры, так что об афишировании отношений не могло быть и речи. О секрете не догадывались даже их менеджеры, и влюбленные, потеряв бдительность, умудрились загреметь в один проект.

— Понятно, — протянул Цзян Жо, улавливая суть. — Значит, ты вертелась около меня, чтобы отвести подозрения? Проще говоря, использовала как громоотвод?

Тан Цзянянь замахала руками, отнекиваясь:

— Ну нет, не совсем... То есть сначала я правда так думала, но потом поняла, что ты классный, и...

Получив столь внезапный ярлык «хорошего парня», Цзян Жо в шутливом жесте поднял руки:

— Сразу расставим точки над «и»: у меня и в мыслях не было к тебе подкатывать. Ты ведь наверняка уже слышала, что меня интересуют исключительно мужчины.

— Да знаю я, знаю! — испугавшись, что ее поймут превратно, поспешила заверить Тан Цзянянь. — Это я сама напросилась в друзья. Ты ведь правда замечательный. К тому же... мы тогда крупно повздорили с Су И, и мне просто глаза бы его не видели.

Выслушав эту исповедь, Цзян Жо лишь покачал головой. Надо же, он оказался не просто громоотводом, но и тихой гаванью на время любовного шторма.

— Смотри у меня, могила! Никому ни слова, — шутливо погрозила пальцем Тан Цзянянь.

— Раз уж так боишься утечки, не стоило вообще посвящать меня в свои тайны, — резонно заметил невольный слушатель чужих откровений.

Тан Цзянянь осеклась, понурила голову, и у нее снова задрожали губы:

— Но мне совсем не с кем поделиться... Мне почему-то показалось, что тебе... тебе можно

доверять.

Глядя на нее, Цзян Жо невольно смягчился. Перед ним сидела обычная девятнадцатилетняя девчонка — домашний тепличный цветок, с которой родители сдували пылинки, а в шоу-бизнесе ей пока везло, так что никаких серьезных жизненных невзгод она еще не знала. Он тихо вздохнул и примерил на себя роль заботливого старшего брата:

— Давай так: даю слово, что унесу этот секрет с собой в могилу. А если проболтаюсь — пусть все мои будущие проекты с треском проваливаются в прокате. Это раз.

— Во-вторых, даже если вы хотите уберечь свои отношения от лишних глаз и пустить всех по ложному следу, топорные методы тут не помогут. Скорее наоборот — вызовут подозрения.

— Знаешь ведь поговорку про то, что на воре и шапка горит? Ты девочка общительная, со всеми на площадке ладишь. Сейчас все видят лишь верхушку айсберга и думают, что мы с тобой не разлей вода. Но со временем люди заметят: ты мила абсолютно со всеми, и только в сторону Су И даже не смотришь. Как думаешь, какие слухи поползут тогда?

Слова Цзян Жо заставили Тан Цзянянь вздрогнуть. Она испуганно захлопала ресницами:

— Я... я об этом даже не думала.

— Со стороны всегда виднее, — мягко добавил он. — Когда находишься в самом эпицентре урагана, трудно оценить масштаб разрушений.

Тан Цзянянь согласно закивала, признавая его правоту.

Когда все карты были раскрыты, они договорились остаться друзьями, но без напускной нежности — больше не нужно было разыгрывать спектакли ради маскировки или чтобы уколоть чужое самолюбие.

Хотя Тан Цзянянь все равно упрямо надула губки:

— Вовсе я не пыталась позлить его!

Цзян Жо усмехнулся:

— Ладно-ладно. Будем считать, что ты просто пала жертвой моего неотразимого обаяния.

Прихватив из ее запасов несколько пачек острых утиных лапок, Цзян Жо вежливо отклонил предложение поужинать вместе. Лишние хлопоты ему были ни к чему; он собирался доползти

до гостиничного номера, заварить копеечную лапшу и на этом считать программу-максимум выполненной.

Уже у самой двери он притормозил и обернулся:

— Слушай, насчет...

Тан Цзянянь, которая уже вовсю строчила кому-то сообщения, сияя от счастья, подняла голову:

— А? Ты что-то хотел?

Глядя на ее влюбленное лицо и эту блаженную улыбку, Цзян Жо прикусил язык. Все его разумные, трезвые предостережения показались ему вдруг неуместными.

Да и по какому праву он стал бы читать ей нотации?

— Да так, глупости, — он спрятал руки в карманы куртки. — Ладно, я пошел. Ложись пораньше, не забывай, что завтра у тебя сложнейшая сцена.

Съемочный павильон находился буквально в двух шагах от гостиницы, арендованной для группы. Погода стояла чудесная, и Цзян Жо, поддавшись редкому порыву безмятежности, решил прогуляться пешком.

По дороге он набрал Ань Хэ. Убедившись, что друга благополучно выписали и он уже дома, а все анализы в норме, Цзян Жо все же строго-настрого приказал:

— Чтобы минимум неделю сидел дома и носа на работу не казал. Понял меня?

— С ума сойти можно от скуки, — пробурчал на том конце провода Ань Хэ.

— Скучно? Тогда займись делом: полей мои цветы на балконе.

— Они после зимы-то живы вообще?

— Понятия не имею. Сходи проверь.

В трубке зашуршало, слышались торопливые шаги, и через минуту Ань Хэ радостно

воскликнул:

— Слушай, а они ведь живые! Всё, бегу за лейкой.

Цзян Жо так ясно представил его сияющее лицо, что сам невольно расплылся в улыбке:

— Только не заливай их. Лучше недолить, чем перелить, помнишь?

— Помню-помню, мамочка.

Пока Ань Хэ возился со своими зелеными подопечными, трубку он вешать не стал. Под мерное журчание воды они лениво перебрасывались фразами.

— Кстати, я сегодня в больнице одного парня встретил, — поделился Ань Хэ, наполняя кувшин.
— Лицо жутко знакомое.

— Опять парень? — оживился Цзян Жо.

— Ну да.

— Симпатичный?

—... Очень.

— Так, даже не думай вешаться ему на шею, — тут же включил режим старшего брата Цзян Жо. — Не все такие покладистые, как я. Помнишь, чем закончилась твоя прошлая авантюра?

— Помню, мамочка, помню, — взмолился Ань Хэ, спасаясь от нотаций. — Просто показалось, что мы где-то пересекались. Я на него уставился, он на меня тоже глаза вылупил...

— Какое счастье, что вы встретились в клинике, а не в каком-нибудь клубе, — хмыкнул Цзян Жо. — Иначе вы бы уже вовсю кувыркались в постели.

— Ха! Даже если бы я очень захотел, мое нынешнее здоровье такого экстрима не перенесет.

— Погоди... То есть ты все-таки не против?!

Ань Хэ весело расхохотался:

— Лови момент, пока молодой! Я же не ты. С твоей ангельской внешностью только мужиков с ума сводить, а ты добровольно ушел в монастырь и живешь как схимник.

Подобная шпилька в адрес его якобы «нулевого» опыта задела Цзян Жо за живое.

— С чего ты взял, что я ни разу... ну, этого самого? — оскорбился он.

— Чего именно? — прицепился Ань Хэ.

Цзян Жо так и подмывало козырнуть своей недавней страстной ночью и утереть другу нос, вернув себе статус рокового соблазнителя. Вот только он шел по оживленной улице, и найти приличные слова для интимных подробностей никак не получалось.

Сказать «я спал с женщиной»? Скучно.

«Меня трахнули»? Слишком вульгарно для людной улицы.

«Мы предавались любовным утехам»? Тоже мимо.

«Познал сладость плотской любви»? Фу, аж зубы свело от пошлости.

— Ну так чего? — не унимался Ань Хэ. — Давай, колись!

Цзян Жо мысленно закатил глаза и решил рубить с плеча:

— Да никакой я не монах, ясно тебе?

— Ого! — так и ахнул Ань Хэ. — И кто же этот счастливчик, который уложил тебя на лопатки?

Уши у Цзян Жо предательски вспыхнули. Надо же, он и сам не подозревал, насколько, оказывается, стыдлив.

— Да так... один тип.

— И каков он из себя?

— Два глаза, два уха, нос да рот.

— Мимо меня тут как раз бездомный кот пробежал, — фыркнул Ань Хэ.

— К чему это ты?

— Твое описание подходит один в один.

Цзян Жо покатылся со смеху:

— Не-е-т, на помоечного кота он точно не тянет. Он скорее... благородный перс.

Утонченный, неприступный и ледяной.

Даже если тебе посчастливится залучить его в объятия, он сохранит царственное равнодушие, а при первой же возможности бесшумно выскользнет прочь.

Чем больше Цзян Жо думал об этом сравнении, тем идеальнее оно казалось. В приподнятом настроении он замурлыкал под нос какую-то легкомысленную мелодию. Подойдя к гостинице и убедившись, что прохожих поблизости нет, он задорно выдал пару батманов, переходящих в легкое плие, и завершил этот импровизированный перформанс изящным прыжком во вторую позицию.

Прыгнул он чуть дальше, чем планировал, а когда приземлился и вскинул голову, то замер на месте.

Буквально в паре метров от него была припаркована представительная черная машина.

До боли знакомая.

Рядом с ней стоял мужчина — строгая рубашка, темные брюки, безупречный, статный силуэт, овеянный легким флером одиночества. На сгибе руки висело классическое пальто. Одна ладонь покоилась в кармане, в другой тлела сигарета, чей рубиновый огонек тускло мерцал в сгущающихся сумерках.

Опешив на мгновение, Цзян Жо кое-как заставил свои ноги двигаться дальше.

«Да ладно... неужели приехал выбивать долг так быстро?» — панически пронеслось в голове.

Хотя нет, глупости. Скорее всего, он приехал к Чжоу Синьяо — ее съемочная площадка ведь буквально по соседству.

Эта мысль подействовала как успокоительное. Цзян Жо поспешно отвел глаза и сделал вид, будто до безумия увлечен созерцанием вечернего неба.

Но едва его нога коснулась первой ступеньки крыльца, тишину прорезал короткий автомобильный гудок.

— Господин Цзян! — из окна машины высунулся Лао Лю и приветливо замахал рукой. — Сюда!

Игнорировать призыв было невозможно. Цзян Жо нехотя развернулся. Он вежливо улыбнулся шоферу, а затем перевел взгляд на Си Юйфэна. Попытка изобразить искреннее удивление провалилась с треском, выйдя натянутой и фальшивой:

— Какая встреча, господин Си! Какими судьбами в наших краях? Тоже решили развеяться?

Полакомиться лапшой быстрого приготовления Цзян Жо так и не удалось.

Буквально через десять минут на пороге гостиницы нарисовался кастинг-директор, которого на площадке не видели уже сто лет. Он примчался как на пожар, прихватив с собой целую свиту: продюсера, администратора, оператора-постановщика и еще бог весть кого. Передавали, что сам режиссер Чжоу уже летит на всех парах, но застрял в мертвой пробке.

Си Юйфэн проявил великодушие:

— Не беспокойтесь так. Занимайтесь своими делами, я просто осмотрюсь.

Разумеется, пустить столь важного гостя на самотек никто бы не посмел. Стоило режиссеру Чжоу наконец добраться до места, как вся процессия дружно отправилась на экскурсию по съемочным локациям.

Когда они дошли до павильона группы «Б», оператор-постановщик с энтузиазмом указал на небольшие подмости в репетиционном зале:

— Вот на этой самой сцене сегодня блистал учитель Цзян! Когда дали свет и ударил луч прожектора — господи, это было просто невероятное зрелище, чистый восторг!

Режиссер Чжоу принялся отчаянно подмигивать подчиненным:

— Так чего же мы ждем? А ну-ка, живо несите исходники, покажем господину Си!

Услышав, как его в очередной раз величают «учителем», Цзян Жо внутренне вздрогнул и поспешил вставить слово:

— Полно вам, право. Не стоит тратить время, там решительно не на что смотреть.

Режиссер Чжоу заглядывал главному инвестору в рот:

— Господин Си, как планируете поступить? Сначала поужинаем или продолжите осмотр?

На протяжении всего обхода Си Юйфэн сохранял вежливое равнодушие к организационным вопросам, не изменяя себе и сейчас.

Он плавно повернул голову к Цзян Жо и негромко спросил:

— Проголодался?

В голове у Цзян Жо на миг образовался абсолютный вакуум. Он лишь тупо кивнул:

— Да.

Услышав ответ, Си Юйфэн ровным тоном резюмировал для собравшихся:

— Тогда сначала ужин.

Уже сидя за ломящимся от яств столом, Цзян Жо окончательно пришел в себя и осознал: Си Юйфэн сделал это исключительно ради него. Решил обозначить свое покровительство, чтобы остудить пыл местных сплетников.

Мотив лежал на поверхности: в прошлый раз Цзян Жо оказал ему услугу, а теперь правила приличия требовали ответного жеста.

Баланс должен быть соблюден. Обычный деловой размен, ничего лишнего.

Мелькнула, конечно, шальная мысль, будто влиятельный господин примчался сюда специально ради него, но она тут же рассыпалась в прах. За столом режиссер Чжоу подобострастно поинтересовался, какими судьбами их навестил такой занятой человек. Си Юйфэн в своей обычной небрежной манере обронил, что гонял с друзьями мяч на поле для гольфа неподалеку и просто заехал по пути.

Цзян Жо мысленно выдохнул. Глупые иллюзии испарились без следа.

Сам ужин, впрочем, прошел без особого удовольствия. Цзян Жо даже поймал себя на абсурдной мысли, что Си Юйфэн обладает уникальной суперспособностью — начисто отбивать аппетит у окружающих.

Сам гость к еде едва прикоснулся. То ли стряпня местного шеф-повара не пришлась ему по вкусу, то ли он успел пообедать раньше. Цзян Жо припомнил их прошлую встречу в Цзиньюань: там мужчина тоже почти ничего не ел, лишь лениво гонял еду по тарелке. Каждое его движение отличалось безупречной, врожденной грацией.

Определенно, вылитый персидский кот.

Как только с трапезой было покончено, Цзян Жо воспользовался тем, что высокое начальство увлеклось какими-то важными обсуждениями. Сославшись на внезапную резь в желудке, он по-тихому ретировался.

Оказавшись в своем номере, он сбросил обувь и пластом рухнул на кровать. Похлопав себя по карманам, он нащупал заветные упаковки с утиными лапками. Цзян Жо зубами разодрал пластик, запихал лакомство в рот и принялся яростно жевать. Только сейчас к нему наконец вернулся вкус к жизни.

Следом за первой пачкой в ход пошла вторая. Чтобы не терять времени даром, он перевернулся на живот, нашарил у подушки рабочий сценарий и принялся вдумчиво вчитываться в текст, зажав губами очередную лапку.

Завтра предстоял тяжелый день не только у главной героини, но и у его собственного персонажа.

По сюжету Се Фаньюань должен был с треском провалиться во время выступления и порвать ахиллово сухожилие. Все это происходило на фоне полного краха его семьи: бизнес отца трещал по швам из-за долгов, а у матери обострилось психическое расстройство, и ее спешно уехали в лечебницу. На пике этого кошмара отец еще и заставлял парня пройти комплексное обследование — болезнь матери была наследственной, и над Се Фаньюанем висел дамоклов меч тяжелой генетики.

Раздавленный семейной драмой и отвергнутый любимой девушкой, герой не справлялся с колоссальным давлением. Во время танца он на секунду терял концентрацию и срывался с высоты прямо на глазах у зрителей.

Вновь перечитывая эти строки, Цзян Жо тяжело вздохнул. До чего же несчастная судьба у парня.

И почему в самые темные времена именно любовь наносит решающий удар, становясь той самой соломинкой, что ломает хребет верблюду?

«Уж лучше вообще не уметь любить», — с тоскливой ясностью подумал он.

В вопросах чувств Цзян Жо всегда отличался редким хладнокровием — как по отношению к чужим драмам, так и к собственным.

Однако тело упорно отказывалось подчиняться холодному разуму. Стоило замку тихо щелкнуть, а двери приоткрыться, как Цзян Жо мгновенно повернул голову. Когда его взгляд встретился со взглядом вошедшего в номер Си Юйфэна, сердце предательски пропустило удар, а затем пустилось вскачь.

Впрочем, он тут же успокоил себя тем, что это обычный испуг. Чистая физиология, ничего более.

Цзян Жо пулей взлетел с постели. Округлив глаза, он пробормотал с набитым ртом:

— В-вы... вы как сюда попали?

Си Юйфэн замер на пороге. На его обычно бесстрастном лице промелькнуло искреннее недоумение.

Впрочем, он быстро вернул себе самообладание. Переведя взгляд с пластиковой карточки в своей руке на взъерошенного парня, он мгновенно во всем разобрался.

— Режиссер Чжоу дал мне ключ, — ровно пояснил он. — Я полагал, что это свободный номер.

Цзян Жо тоже был не дурак. Переважив услышанное, он смущенно опустил обратно на матрас.

Только сейчас он сообразил, что изо всех сил прижимает к груди подушку — в панике схватил первое, что подвернулось под руку в качестве оборонительного щита.

Си Юйфэн, разумеется, тоже заметил это комичное «оружие». Уголок его губ едва заметно дрогнул, но спросил он совсем о другом:

— Так у тебя действительно болит желудок?

Цзян Жо лишился дара речи.

По комнате повсюду плыл ядреный, невыносимо аппетитный аромат маринованного чили и специй. Цзян Жо судорожно заработал челюстями, пытаясь как можно скорее разделаться с последним куском утиной лапки.

Кое-как проглотив его, он виновато облизал губы и выдавил из себя едва слышный шепот:

— Уже... гораздо лучше.

<http://bllate.org/book/19587/1943066>